
ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ
И ФОРМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1981

зоны повышенной попизирующей радиации, видимо, вызвало крупные мутации у предков человека, которые настолько ослабили их физическое строение, что выжить они могли, лишь перейдя к систематической общественно-трудовой деятельности.

Переход от случайного использования орудий (что наблюдается и сегодня у человекообразных) к систематической общественно-трудовой деятельности был обусловлен исторической необходимостью. В дальнейшей своей истории человек испытывал действие разпородных природных факторов; особенно сильное влияние на него оказывали колебания температуры на планете, которые создавали в полуаридных, саваннных условиях (а они с самого начала были естественной экологической пищей для человека), экстремальные условия, выпуждавшие его либо переходить к новым способам добычи средств к существованию, либо к крупным миграциям. Видимо, и миграции, и поиски новых источников пищи в период мезолита производились параллельно. Показателем этого являются совершенствование производящего хозяйства в зоне «полумесяца плодородия» Юго-Западной Азии и распространение культур с геометрическими микролитами «переднеазиатского» типа по широкой территории Евразии.

Что же касается оледенений, изменения лесной растительности, смены фауны и сдвига ландшафтных зон, то они в силу постепенности и длительности не оказывали столь существенного влияния, как, например, резкий подъем температуры на планете в конце плейстоцена. Голоценовые условия, как показывает длительное существование мамонтовой фауны и производящего хозяйства, формировались параллельно с изменением в хозяйстве первобытного человека, а не предшествовали им.

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА

КАБО В. Р.

Природа и общество представляют собой исторически развивающуюся систему; их взаимодействие началось на ранних этапах социального и культурного развития, и, следовательно, истоки процесса, волнующего сегодня человечество, оказывающего на его судьбы все более глубокое влияние, лежат в далекой первобытности.

Существуют три широко распространенных априорных положения. Согласно одному из них, первобытные люди жили, — а там, где еще сохраняются общества на стадии первобытнообщинного строя, — продолжают жить в полной гармонии с природой и не вносят в нее разрушительных изменений. Этим первобытные общества якобы принципиально отличаются от обществ, стоящих на более высоких уровнях развития. Однако факты показывают, что различие между ними — лишь в степени разрушительного воздействия на природу, что по мере развития производительных сил это воздействие становилось все более глубоким и многосторонним. По авторитетному мнению К. Бутцера, началом все возрастающего изменения природной среды человеком была уже заключительная стадия плейстоцена¹. По-видимому, в исчезновении ряда животных верхнего плейстоцена, в том числе таких гигантов как мамонты, повинны не столько климатические сдвиги, сколько деятельность палеолитического охотника. Большой материал, подтверждающий значительную роль активности человека в вымирании животных конца плейстоцена в Евразии, Северной и Южной Америке, Австралии, содержится в многочисленных исследованиях². С исчезновением крупных травоядных животных и прекращением массовой охоты на них людям пришлось искать новые источники существования, это заставило их перестроить весь образ жизни, сложившийся в позднем палеолите. Видимо, с этим во многом был связан переход от палеолита к мезолиту, ознаменованный далеко идущими переменами в хозяйстве, образе жизни, общественных отношениях. Не будет преувеличением, если мы скажем, что переход к мезолиту был в значительной степени обусловлен оформившейся еще в палеолите системой «человек—природа».

Активным поискам обществом охотников и собирателей новых путей освоения экологической среды нередко предшествует мощный толчок в виде экологического кризиса, резкого нарушения равновесия с этой средой вследствие изменения природных условий, демографических факторов и деятельности самих людей, разрушительного воздействия их на природу.

¹ См.: *Butzer K. W. Environment and archeology: An ecological approach to prehistory.* L., 1972, p. 484.

² См., например: *Будыко М. М. Глобальная экология.* М., 1977, с. 239—254.

Вымершие к концу XIX в. аборигены Тасмании, которых европейцы застали на стадии развития, соответствующей позднему палеолиту, систематически выжигали растительность на огромных пространствах острова с целью создания более благоприятных условий для жизни и охоты. Экологический эффект этих пожаров, происходивших на протяжении тысячелетий, очень велик и необратим, он изменил характер растительности и почвенного покрова на обширных площадях, влажные леса уступили место кустарникам и саваннам, изменился климат. Огонь освободил от непроходимых лесов целые области, и это было большим преимуществом для первобытных охотников, но наряду с этим был разрушен растительный покров и усилилась эрозия³.

Аборигены Австралии, которые находились в целом на стадии развития, соответствующей мезолиту, не только уничтожили крупных сумчатых животных целого континента, но и, подобно тасманийцам, систематически выжигали кустарники и траву, и это, по мнению некоторых ученых, привело к частичному исчезновению лесов и другим неблагоприятным последствиям. С другой стороны, наступление климатического максимума в эпоху голоцена оказало большое воздействие на культуру австралийцев. Многосторонний эффект этого воздействия, сдвиги, происшедшие в культуре аборигенов Австралии в итоге климатического максимума, подробно рассмотрены нами⁴.

Другое глубоко укоренившееся априорное положение состоит в том, что первобытные люди влачили жалкое полуголодное существование в вечных поисках пищи и борьбе с природой. Против него выступил еще один из первых исследователей Австралии—Дж. Грей. Он высмеял подобные взгляды как «челепые» и показал, что дело обстоит совершенно иначе. На своей земле абориген точно знает, что она производит и в какое именно время года, он знает, какими способами обеспечить себя. Соответственно он распределяет посещения различных частей своей охотничьей территории; и «я могу только засвидетельствовать,— пишет Грей,— что в хижинах туземцев всегда царит изобилие». За исключением двух сравнитель-

³ См.: Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975, с. 116—119.

⁴ *Он же*. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969, с. 173—239, 361—363.

но непродолжительных периодов года, самого жаркого и самого дождливого, когда еды действительно не хватает, в остальное время аборигены «за два-три часа могут добыть достаточно пищи на целый день»⁵. Посвящать поискам пищи более этих двух-трех часов аборигенам нет никакого смысла, потому что способы сохранения пищи им почти неизвестны. И то, о чем говорит Грей, находится в полном согласии с сообщениями исследователей XIX в., относящимися к аборигенам других частей континента⁶. Так же обстоит дело и в наше время там, где коренные австралийцы ведут традиционный образ жизни охотников и собирателей, вооруженных примитивными орудиями труда. Так, взрослые члены двух общин, изученных в 1948 г., трудились в среднем лишь 4—5 часов в день. И этого времени вполне хватало, чтобы обеспечить каждого члена группы достаточным количеством пищи, которая и по составу, и по калорийности отвечала стандартам, установленным национальным исследовательским советом США⁷.

По данным Р. Ли, изучавшего в 1964 г. бушменов кунг, для того чтобы обеспечить достаточным количеством пищи всех членов группы, каждому взрослому достаточно было трудиться 2,5 дня в неделю. (Если считать продолжительность рабочего дня равной 6 часам, то это составит 2 часа 9 мин. в день). Наблюдения велись в июле и августе, в такое время года, которое является переходным от более благоприятных условий к менее благоприятным, т. е. достаточно репрезентативным⁸. Напомню, что бушмены, подобно аборигенам Западной и Центральной Австралии, живут в экстремальных природных условиях. По словам Дж. Вудберна, охотники и собиратели хадза,

---

⁵ *Grey G. Journals of two expeditions of discovery in North-West and Western Australia. L., 1841, v. 2, p. 262—263.*

⁶ См.: *Eyre E. J. Journals of expeditions of discovery into Central Australia. L., 1845, v. 2, p. 250—255; Curr E. M. The Australian race. Melbourne, 1886, v. 1, p. 240.*

⁷ См.: *McCarthy F. D., McArthur M. The food quest and time factor in Aboriginal economic life.—Records of the Australian—American scientific expedition to Arnhem Land. Melbourne, 1960, v. 2, p. 145—194.*

⁸ См.: *Lee R. B. What hunters do for a living.—In: R. B. Lee and I. DeVore (eds.). Man the hunter. Chicago, 1968; Kung Bushman subsistence: an input-output analysis.—In: A. P. Vayda (ed.). Environment and cultural behavior. N. Y., 1969.*

живущие в Восточной Африке, затрачивают на добывание пищи в среднем не более двух часов в день⁹.

Многие охотники и собиратели, населяющие области с экстремальными экологическими условиями, страдают от периодического голода. Но для большинства доземледельческих обществ нарисованная выше картина в общем типична. Условия, в которых жили палеолитические общества, также были различными, но в целом более благоприятными, чем условия, в которых живут современные охотники и собиратели. Мнение, что жизнь первобытного общества протекала в жестокой борьбе за существование, является преувеличением.

Так, например, авторы советского учебника политической экономии считают ведущим противоречием первобытнообщинного способа производства «противоречие между жизнепо необходимыми потребностями первобытных людей и низким уровнем развития производительных сил»¹⁰. В итоге разрешения этого противоречия и развивались, по мнению авторов, производительные силы первобытного общества. Мы видим, однако, что потребности первобытных людей, как правило, удовлетворяются паходящимися в их распоряжении производительными силами, даже весьма примитивными. На некоторых палеолитических стоянках сохранилось огромное количество костей животных, что говорит и о больших масштабах загонных охот, и о достаточно благоприятных природных условиях, в которых жили первобытные охотники. Они уничтожали больше животных, чем могли потребить. «Бесцельное истребление огромного количества животных, много больше того, что может быть рационально использовано, является характерной чертой подобного рода облав»¹¹.

Для первобытных охотников и собирателей характерен известный минимум потребностей, обусловленный их образом жизни. Продуктивное присваивающее хозяйство может на протяжении многих поколений воспроизводить себя, так и не сделав решительного шага в сторону производящих форм хозяйства, не испытывая потребности в них. Лишь резкие перемены в экологических условиях на

⁹ См.: Woodburn J. An introduction to Hadza ecology.— In: R. B. Lee and I. DeVore (eds.). *Man the hunter*, p. 54.

¹⁰ Политическая экономия. М., 1973, с. 36.

¹¹ Замятин С. И. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.— Труды / Ин-т этнографии. М.; Л., 1960, т. 54.

заклучительной стадии позднего палеолита и в мезолите привели к перестройке хозяйства и всего образа жизни охотников и собирателей и в конечном счете к кризису присваивающего хозяйства. Это и было одним из важнейших условий становления производящего хозяйства в ряде областей ойкумены. Но существовал и ипой путь — медленный, постоянный процесс накопления явлений, ведущих к производящему хозяйству. Этим путем прошли, вероятно, многие общества ранних земледельцев и скотоводов. Противоречие, о котором говорится в учебнике политической экономии, обнаруживалось лишь в кризисных ситуациях. Но такие ситуации бывали далеко не всегда, а производительные силы все же развивались. Проблема развития производительных сил в эпоху первобытности, перехода от присваивающего хозяйства к производящему настолько сложна и специальна, что рассмотреть ее здесь не представляется возможности. Важно лишь отметить, что простая, однозначная формула, подобная той, что мы находим в учебнике политической экономии, не может решить ее, и что ее решение, во всяком случае, невозможно вне круга проблем взаимодействия общества и природы.

Согласно третьему распространенному априорному положению, первобытные охотники и собиратели не вносят ничего нового в процессы, происходящие в природе, и лишь пассивно приспосабливаются к ним, не обогащают сокровищницу природы, а пользуются лишь готовыми дарами ее. Факты опровергают и это представление, они показывают, что охотники и собиратели не просто паразитируют на природе и их воздействие на нее не всегда носит разрушительный характер. Уже давно обращено внимание на то, что их культуре свойственны такие явления, которые можно рассматривать как предпосылки производящего хозяйства. Аборигены Австралии не только умеют ухаживать за дикорастущими растениями и некоторые из них пытаются высаживать, как отметил еще А. Н. Максимов¹². Этому обществу первобытных охотников и собирателей, изолированному от влияния аграрных культур, еще до колонизации были известны примитивные формы ирригации, сооружение оросительных плотин

---

¹² См.: Максимов А. Н. Накауне земледелия.— Учен. зап./Ист-ин-т истории, 1929, т. 3.

и искусственных водоемов, предотвращающих усыхание местности в засушливые сезоны¹³. Это было сознательным, целенаправленным воздействием на природу. Эпизодические посадки дикорастущих растений были свойственны семангам, сеноям и некоторым другим примитивным собирателям. Земледелие не было «изобретено» — человек начал культивировать растения еще на стадии присваивающей экономики, задолго до «неолитической революции»¹⁴. То же относится к доместикации некоторых видов животных.

Выше говорилось об искусственных пожарах, организуемых австралийцами и тасманийцами, как о примере разрушительного воздействия на природу. Но зачем они сжигали старую траву на своих охотничьих угодьях? Чтобы обеспечить для кенгуру, на которых они охотились, пастбища со свежей, зеленой травой. Это вновь привлекало сюда стада кенгуру, способствовало увеличению их поголовья и было проявлением сознательной заботы охотников о поддержании главного источника мясной пищи на оптимальном уровне. Такое стихийное постижение закономерностей природы, понимание связи причин и следствий, разделенных значительным промежутком времени, — замечательная черта, по широко распространенному мнению, якобы не свойственная первобытным охотникам. Р. Джонс даже называет это «земледелием с горящей головней»¹⁵. Деятельность эта, конечно, не была земледелием (скорее ее следовало бы назвать примитивным животноводством), но по своим последствиям, по воздействию на природу она в какой-то мере сравнима с земледелием. Стихийно создавалась новая, искусственная среда, дело воли и рук человека, и это задолго до земледелия, с которым мы привыкли связывать возникновение антропогенного, «очеловеченного» ландшафта. Т. Митчелл, один из первых исследователей Австралии, пишет: «Огонь, трава, кенгуру и люди — в Австралии все они зависят друг от друга, и если чего-либо одного недостает, осталь-

---

¹³ См.: *Campbell A. H. Elementary food production by the Australian aborigines.* — *Mankind*, 1965, v. 6, N 5.

¹⁴ *Повиков Ю. Ф.* О возникновении земледелия. — *Советская археология*, 1959, № 4; *Чеснов Я. В.* Этнографические данные к проблеме происхождения земледелия. — В кн.: *Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему*. М., 1974.

¹⁵ *Jones R.* Fire-stick farming. — *Australian Natural History*, 1969, v. 16.

ное тоже не смогло бы существовать»¹⁶. Митчеллу удалось подметить существование своего рода экологического равновесия, активным фактором которого является сам первобытный охотник. Будучи частью экосистемы, он в то же время выступает в ней силой, регулирующей в своих интересах взаимодействие остальных частей.

Однако вследствие активного и систематического воздействия первобытного человека на экосистему экологическое равновесие рано или поздно нарушается и в природе наступают далеко идущие по своим последствиям перемены (мы говорили о них), которые он еще не может предвидеть. Это свидетельствует о том, что даже на таком раннем этапе социально-экономического и культурного развития люди не только приспосабливаются к природной среде, но и пытаются активно воздействовать на нее. И делают они это не просто своим присутствием как часть экосистемы, но нередко совершенно сознательно. Этот процесс я называю активной адаптацией.

Благодаря универсализации механизмов активной адаптации человеческому обществу в отличие от сообществ других биологических видов еще на стадии присваивающей экономики удалось приспособиться к жизни во всех экологических средах, заселить почти всю планету¹⁷. Эта способность человеческого общества основана на социальных по преимуществу механизмах адаптации. Одним из важнейших элементов системы активной адаптации первобытного общества к условиям среды является адаптация посредством социальных механизмов. Поэтому и всю систему точнее было бы называть системой активной социальной адаптации.

Структура социальной адаптации характеризуется тем, что, будучи инструментом приспособления общества к среде, она в своих основах, в принципах организации не меняется существенно вместе с изменениями в окружающих условиях. Это как бы прочный фундамент, созданный формирующимся обществом, который позволил ему устоять, сохраниться в любых условиях. Принципы организации первобытных социальных структур поразительно совпадают, в каких бы природных условиях они не находились, они имеют универсальный характер. В основе этих структур мы везде находим общину как ведущий

¹⁶ *Mitchell T. L. Journal of an expedition into the interior of Tropical Australia. L., 1848, p. 306, 412—413.*

¹⁷ См., например: *Адаптация человека. Л., 1972.*

социально-экономический коллектив первобытного общества. В сочетании устойчивости, стабильности общины с пластичностью и адаптивностью — секрет универсальности этой системы. При всем разнообразии природных условий, свойственных, например, австралийскому континенту (и во влажных тропических лесах, и на океанских побережьях, и в руслах рек, и в саваннах, и в пустынях), мы всюду встречаем ту же социально-экономическую структуру, основой которой является общинная организация. Так, образ жизни аборигенов, населявших в конце XVIII в. район нынешнего Сиднея, имел ярко выраженный сезонный характер и орудием социальной адаптации к меняющимся условиям была община. Весной и ранним летом, когда появлялись крупные косяки рыбы, аборигены объединялись в общины. Зимой, когда рыбы становилось мало, общины дробились и рассевались по побережью, многие аборигены уходили охотиться в глубь континента¹⁸. Наблюдая аборигенов Северной Австралии, этнографы отмечают, что в различное время года их образ жизни и занятия совершенно меняются. В течение нескольких месяцев люди охотятся на сухопутных животных и кочуют небольшими хозяйственными группами, остальное время они живут общинами в сезонных стойбищах на побережье, добывая рыбу и морских животных. Их хозяйственная деятельность, аряду с этим чередование периодов концентрации (жизнь общинами) и дисперсии (жизнь в составе хозяйственных групп и отдельных семей) определяется сменой влажного и сухого сезонов¹⁹.

Первый из этих двух примеров относится к Юго-Восточной Австралии и началу колонизации, когда жизнь аборигенов еще не подверглась ее воздействию, второй — к северу континента и нашему времени, по к обществу традиционному. И в обоих случаях принципы организации производства, принципы социальной адаптации к экологическим условиям посредством социальных механизмов остаются неизменными. Это же относится к аборигенам всего пятого континента, к какой бы местности и какому времени мы не обратились. Локальное выраже-

¹⁸ *Lawrence R.* Habitat and economy: a historical perspective.— In: *Aboriginal man and environment in Australia*. Canberra, 1971, p. 255.

¹⁹ *Thomson D. F.* The seasonal factor in human culture.— *Proceedings of the Prehistoric society*, 1939, v. 5, pt. 2.

ние этих принципов (та или иная степень оседлости и подвижности, направление хозяйственной деятельности и сезонные колебания в ней, способы добывания пищи, плотность населения, численность общин, величина племенных и общинных территорий) меняется вместе с изменчивостью естественно-географических условий от одной природно-хозяйственной зоны к другой, а частично и в зависимости от этнических традиций, по сути дела остается той же ²⁰.

То же самое наблюдается и в Южной и Северной Америке, Африке, в Юго-Восточной и Южной Азии, в Арктике ²¹. Вот лишь один из многочисленных примеров, относящийся к географической зоне, не имеющей ничего общего с Австралией: «Община эскимосов нунамутов — пластичное, изменчивое объединение отдельных домохозяйств, осваивающее местность, предлагающую наилучшие условия для охоты на оленей и рыбу... Осенью и весной, в ожидании миграций карibu, домохозяйства объединяются в общины» ²². Остальное время года они добывают пищу самостоятельно.

Община как ведущая экономическая ячейка первобытного общества была, очевидно, основным, исходным элементом первобытной универсальной адаптивной системы. Будучи устойчивой и стабильной, основанной на традиции, эта система была вместе с тем и исторически динамичной. Без первого условия первобытное общество, технически еще слабо вооруженное, не смогло бы существовать в любых экологических условиях и передавать свои достижения от поколения к поколению, без второго условия оно не смогло бы развиваться.

Общество первобытных охотников и собирателей находится, вероятно, не в большей зависимости от природных условий, чем общество, основанное на производящей экономике. Особенность первого состоит в том, что оно, противостоя давлению естественно-географической среды, опирается прежде всего на выработанные тысячелетиями механизмы социальной адаптации и лишь в меньшей степени на технологический контроль среды.

---

²⁰ *Lawrence R.* Aboriginal habitat and economy. Canberra, 1968.

²¹ *Jochim M. A.* Hunter-gatherer subsistence and settlement: A predictive model. N. Y., 1976.

²² *Gubser N. J.* The Nunamiut Eskimos: hunters of caribou. New Haven, 1965, p. 61, 165.